

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 3 (47). С. 244–253

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 3 (47), pp. 244–253

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-244-253>, EDN: IUWRHG

Научная статья
УДК 811.161.1'27

Трансформация жанра «публичное извинение»

Е. В. Лаврентьева, Т. И. Стексова[✉]

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28

²Сибирский государственный университет путей сообщения, Россия, 630049, г. Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, д. 191

Стексова Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания, steksova@inbox.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Лаврентьева Елизавета Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Русский язык и восточные языки», lev300374@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2398-2257>

Аннотация. Авторы посвятили статью характеристике в семантико-прагматическом аспекте жанра публичного извинения в русском масс-медиийном пространстве. Выбор предмета исследования обусловлен ростом популярности и повышением частотности извинений в открытом формате через СМИ и социальные сети, что можно объяснить изменением социокультурной ситуации и трансформацией общественных ценностных ориентиров. Целью статьи является обоснование предположения о том, что публичное извинение как вариант, возникший в результате процесса модификации инвариантной модели, функционирующей в межличностном взаимодействии, трансформируется в омонимичный жанр, который имеет иные жанрообразующие характеристики. В последние годы наблюдается развитие так называемой «культуры отмены», когда действия (в том числе и речевые) людей или организаций вызывают общественный резонанс, следствием чего становится резкая критика и осуждение. Публичные извинения являются действенным способом смягчить негативные последствия и попытаться сохранить или восстановить репутацию. Это приводит к серьезному изменению некоторых жанрообразующих признаков, в частности к исчезновению искренности, появлению вынужденности речевого действия, изменению фактора адресата. Адресат извинения предстает в виде двух адресатов: номинального и реального. Публичное извинение функционирует как реактивный жанр, что дает возможность зафиксировать трансформацию двухшаговой схемы реализации (малефактивное действие – извинение) в трехшаговую: малефактивное действие – реакция общественности/ представителей властных структур – извинение. Все это позволяет говорить о том, что публичное извинение перестает быть вариантом жанра извинения и стремится стать самостоятельным гибридным жанром.

Ключевые слова: речевой жанр, жанрообразующие признаки, публичное извинение, трансформация жанра

Для цитирования: Лаврентьева Е. В., Стексова Т. И. Трансформация жанра «публичное извинение» // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 3 (47). С. 244–253. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-244-253>, EDN: IUWRHG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Transformation of the genre “public apology”

E. V. Lavrentyeva, T. I. Steksova[✉]

¹Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Viluyskaya St., Novosibirsk 630126, Russia

²Siberian Transport University, 191 Dusya Kovalchuk St., Novosibirsk 630049, Russia

Tatiana I. Steksova, steksova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>
 Elizaveta V. Lavrentieva, lev300374@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2398-2257>

Abstract. The article is devoted to the characteristics of the genre of public apology in the semantic and pragmatic aspect in the Russian mass media space. The choice of the subject is due to the growing popularity and increasing frequency of apologies made through media and social networks. This trend can be explained by changes in the socio-cultural landscape and the transformation of societal value orientations. The aim of the article is to substantiate the assumption that public apology, as a variant that emerged through the modification of the invariant model functioning in interpersonal interactions, is transforming into a homonymous genre that has different genre-forming characteristics. In recent years, the development of the so-called “cancel culture” has resulted in public resonance, harsh criticism and condemnation of particular actions (including speech) of people or organizations. Public apologies are an effective way to mitigate those negative consequences and try to save or restore reputation. This leads to a serious change in some genre-forming features, in particular, the disappearance of sincerity, the emergence of compelled speech acts, and a change in the addressee factor. The addressee of the apology is now seen as having two facets: nominal and real. The public apology functions as a reactive genre, which makes it possible to observe the transformation of the two-step implementation model (offensive action – apology) to a three-step one: offensive action – reaction of the public/representatives of government structures – apology. All this supports the conclusion that the public apology ceases to be a variant of the apology genre and is instead evolving into an independent hybrid genre.

Keywords: speech genre, genre-forming features, public apology, genre transformation

For citation: Lavrentyeva E. V., Steksova T. I. Transformation of the genre “public apology”. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 3 (47), pp. 244–253 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-244-253>, EDN: IUWRHG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Постановка проблемы

Исследования речевого жанра извинения позволило лингвистам выделить и обосновать его различные подтипы, такие, например, как метакоммуникативные, конвенциональные и «извинения по существу» [1]. Причем, последний тип может быть представлен в виде вариантов: межличностного извинения и публичного. Нужно отметить, что публичное извинение не так давно попало в фокус внимания исследователей в отличие от межличностного извинения, получившего исчерпывающее и детальное описание в лингвистических трудах [1–7 и др.]. Активизация исследовательского интереса к публичному извинению наблюдается в последние пять – десять лет, что свидетельствует о релевантности в современном информационном обществе этой жанровой формы. Отметим наиболее интересные работы в контексте нашего исследования. Используя в качестве материала для анализа извинения участников «голой вечеринки», вызвавшей ажиотаж в медийном пространстве, И. И. Дубинина рассматривает публичное извинение в аспекте корректирующего коммуникативного поведения объекта «культуры отмены» [8]. Представляет интерес исследование, в котором популярные в последнее время видеоизвинения как одна из форм публичного извинения квалифицируются как особый жанр современной сетевой публичности [9]. Очевидного внимания заслуживают

публикации Н. Н. Кошкаровой, посвященные интересующей нас жанровой форме. Причем стоит отметить, что в публикации 2020 г., представляющей характеристику публичного извинения как речевого жанра, функционирующего в разных типах дискурса, речь идет о модификации публичного извинения в плане его структурно-семантических и когнитивно-дискурсивных особенностей [10], а в более поздних работах (2023–2024 гг.) публичное извинение оценивается как новый массмедиийный жанр [11], новый жанр когнитивно-дискурсивного пространства [12]. Этот вывод нам представляется более справедливым, но требующим лингвистического доказательства.

Цель статьи заключается в обосновании того, что публичное извинение как вариант, возникший в результате процесса модификации инвариантной модели, функционирующей в межличностном взаимодействии, трансформируется в омонимичный жанр, который имеет иные жанрообразующие характеристики. С одной стороны, «форма и некоторые функции публичного извинения в большой степени совпадают с межличностным извинением, хотя их последствия могут быть различны» [13: 184]. С другой стороны, в настоящий момент публичное извинение подвергается трансформации под влиянием активных социокультурных и экономических изменений. В результате происходящих динамических процессов меняются, наряду с прагматикой,

и жанрообразующие характеристики публичного извинения, описание которых в со-поставлении с личностно ориентированным извинением входит в задачи исследования.

Методы исследования

Для этого будем придерживаться предложенного Т. В. Шмелевой модельного подхода в описании речевого жанра, дающего нам возможность установить признаки, по которым современное публичное извинение отличается от своего прототипа [14].

Дискуссия и результаты

Начнем с ключевого показателя речевого жанра, способного его идентифицировать, – коммуникативной цели. И в этой связи отметим, что относительно своей иллокутивной функции извинение не получило однозначной трактовки в концепциях представителей pragmalingвистики. В традиционном понимании извинения относят к этикетным речевым формулам (Н. И. Формановская) [2]. В рамках теории речевых актов с опорой на концепцию Дж. Серля извинения нередко включают в число экспрессивных речевых актов, служащих для выражения «психологического состояния, задаваемого условием искренности относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания» [15: 183]. Так, Н. А. Трофимова, квалифицируя извинение как экспрессив, расширяет терминологические рамки и предлагает включить его в группу социативных речевых актов (социативов) – речевых актов выражения признания говорящим слушающего как члена одной с говорящим социальной группы, реализуемого в определенных стандартных ситуациях [5: 22]. Р. Ратмайр, автор одной из наиболее известных и признанных монографий об извинении, высказывания с семантикой извинения интерпретирует как директивные речевые акты [1].

Нет единодушия и среди сторонников теории речевых жанров Т. В. Шмелева, Т. В. Тарасенко определяют извинения как этикетные речевые жанры, представляющие собой конвенциональные речевые реакции на стандартные ситуации социального общения [3, 14]. В. В. Дементьев, противопоставляя жанры информативной и фатической речи, видит извинение в ряду фатических жанров [16]. По мнению М. Ю. Федосюка, способность поддержать или улучшить эмоциональное состояние адресата дает основание включить извинение в число эмотивных жанров [17]. Отсутствие однозначного решения по поводу статуса извинения, на наш взгляд, можно

объяснить сложностью коммуникативного намерения субъекта извинения.

По А. Вежбицкой, формула извинения содержит следующие семантические единицы:

знаю, что я сделал нечто, что было для тебя плохо;

думаю, что ты можешь чувствовать ко мне нечто плохое по этой причине;

говорю: я жалею, что я это сделал;

говорю это, потому что хочу, чтобы ты не чувствовал ко мне ничего плохого [18: 104].

Предложенное исследователем семантическое толкование жанра подтверждает предположение о комплексности коммуникативной цели извинения, интегрирующей несколько интенций: 1) признание своей вины в ситуации или событии; 2) выражение сожаления по поводу последствий своего проступка; 3) просьба о прощении. Иными словами, интенциональное содержание извинения представляет собой комбинацию информативного, оценочного и императивного компонентов (о полинтенциональности извинения как речевого акта см. [5]).

В этой связи представляет интерес точка зрения Л. Н. Чиновой, в работе которой на основании степени серьезности проступка и различия в характере коммуникативной цели обосновывается дифференциация извинения на два отдельных, хотя и близких друг другу, речевых жанра: 1) «принесение извинения», 2) «просьба о прощении» [19]. В первом случае актуализируется интенция – выражение сожаления по поводу своего поведения, во втором – получение прощения. Подобный подход находим и в диссертационном исследовании Е. В. Артамоновой, рассматривающей просьбу о прощении и принесение извинения как отдельные жанры сквозь призму религиозных и светских ценностей [6]. Вопрос о дифференциации высказываний с семантикой извинения может стать поводом для дальнейшей дискуссии, но, на наш взгляд, признание полинтенциональности извинения раздвигает границы вариативности жанра, обусловленной актуализацией одного из компонентов коммуникативной цели.

Согласно М. Дойтчманну, прототипическая модель извинения включает четыре основных компонента: «обидчика», «обиженному», «обиду» и «возмещение» [цит. по: 20]. Рассмотрим в качестве примера извинение Мити Фомина, в котором он выступает «обидчиком» – тем, кто чувствует ответственность за совершенное действие, требующее извинение; в роли «обиженному» (в терминологии М. Дойтчманна – это жертва «обиды») фигурирует стилист Александр Рогов, которого певец в своем интервью оскорбил, назвав «располневшей теткой средних лет»: (1) «Я позволил

себе такие резкие высказывания в адрес известного уважаемого стилиста Александра Рогова. Прошу меня великодушно извинить. Я не смотрел тот эпизод, который себе позволил. Мне даже стыдно, честно говоря. Я не читал и не хочу читать, что говорит Саша. Я хотел извиниться и сказать, что здравая критика – это всегда хорошо, это нужно, особенно публичным людям, которые иногда заговариваются, забываются <...>» (<https://peopletalk.ru/article/peremirie-mitya-fomin-izvinilsya-pered-aleksandrom-rogovym/>). В данном случае можно говорить о реализации инварианта речевого жанра извинения, структурообразующим признаком которого является его межсубъектность. Публичность этого высказывания заключается в том, что оно нашло свое воплощение в медийном пространстве, говорящий относится к публичным персонам, для которых обнародовать свои действия стало нормой, привычным способом привлечь к себе внимание, так сказать «пропиариться». В данном примере эксплицируются все компоненты коммуникативной цели извинения: 1) признание своей вины в ситуации или событии (Я позволил себе такие резкие высказывания в адрес известного уважаемого стилиста Александра Рогова.); 2) выражение сожаления по поводу последствий своего проступка (Мне даже стыдно, честно говоря); 3) просьба о прощении (Прошу меня великодушно извинить).

Содержание жанра публичного извинения напрямую связано с нанесением обиды и необходимостью признать это.

«Обида» – это действие или состояние, требующее извинения [20]. Публичные извинения относятся к «извинениям по существу», по Р. Ратмайр [1]: в фокусе находятся серьезные нарушения или проявления дисгармоничного поведения, вызывающие общественный резонанс, такие как

- 1) оскорбительные высказывания (извинения чеченского учителя Мансура Жабраилова за инвективные выражения в сторону христиан <https://www.gazeta.ru/social/2024/10/09/19885657.shtml>),
- 2) действия, которые получили общественную оценку как неэтичные или аморальные (запоздалое извинение Алсу за нечестную победу ее дочери в шоу «Голос» с помощью массированного голосования подписчиков <https://www.fontanka.ru/2024/04/25/73507172/>),
- 3) ошибки в работе (извинения перед клиентами компании «Мегафон» за сбой в работе сети, который привел к проблемам с мобильной связью <https://biektaw.ru/news/novosti/megafon-izvinilsya-za-sboy-i-zayavilo-gotovnosti/>),

- 4) неуместное поведение (извинения Ольги Бузовой за откровенный наряд на выступлении в Уфе в день защиты детей <https://radio1.ru/news/shou-biznes/golaya-vecherinka-v-den-zaschiti-detei-cto-grozit-buzovoi-za-skandalnoe-vistuplenie-v-ufe/>)

В случае с публичным извинением нужно отметить обязательность экспликации повода для извинения (иначе, «обиды») в отличие от межличностных извинений, в которых объект извинения может не называться, так как входит в прагматическую пресуппозицию.

Жанрообразующим признаком в рамках медийного дискурса является особый характер коммуникативного взаимодействия автора и адресата высказывания. В инварианте образы автора (обидчика) и адресата (обиженного) социально не маркированы. Социальные роли коммуникантов могут быть как симметричными, так и асимметричными, причем автор извинения может быть и «выше» и «ниже» адресата. Публичное извинение также относится к жанрам персонального авторства (по Г. И. Богину [21]). Отличие заключается в том, что автор извинения либо равен адресату, либо вынужденно ставит себя во временную **позицию** нижестоящего. В большинстве случаев публично извиняются известные личности, представители компаний или организаций, реже – руководители и государственные лидеры, то есть чаще всего извинения звучат от тех, чья деятельность находится в фокусе общественного внимания. Автором публичного извинения могут стать и обычные, так скажем, не медийные личности, чьи действия вызвали общественный резонанс. Так, в телеграмм-канале телепрограммы «Вести. Дежурная часть» нередко публикуются извинения нарушителей общественного порядка (например, извинение велохама из Ижевска <https://izhlife.ru/criminality/velokham-iz-izhevskaya-izvinilsya-pered-zhitelyami-v-otdeleni-politsii.html>)

Для личностроно ориентированного извинения обязательным условием воплощения жанра становится отрицательная оценка события со стороны автора высказывания. Концептуальным в образе говорящего становится искреннее признание им своей вины. По И. А. Мельчуку, А. К. Жолковскому: вина X-а перед Y-ом за Z = тот факт, что существо или лицо X каузировало или допустило факт Z, нежелательный для существа или лица Y и противоречащий социальным или нравственным нормам, в результате чего Y имеет юридическое или моральное превосходство над X-ом [цит. по: 1: 43]. Согласно Н. И. Формановской, «суть ситуации извинения – словесное искупление вины, про-

ступка» [22: 125]. С точки зрения психологии мотивом извинительного высказывания может быть 1) освобождение от чувства вины, 2) регулирование жизни в социуме; 3) стремление продемонстрировать с помощью извинения ценность того человека, с кем мы стоим в близких отношениях (<https://skillbox.ru/media/growth/apologies>). Сравним у Робин Лакофф: Иногда извинение – это всего лишь разговорная формула со значением «Мне вы не безразличны, я понимаю, что вы расстроены» [13: 184]. Этим отчасти объясняется частотность извинений в речи женщин, обладающих большей способностью к эмпатии. Публичные извинения, в отличие от межличностных, способных улучшить эмоциональное состояние говорящего, всегда болезненны, что объяснимо страхом потерять лицо, так как извинение наносит ущерб авторитету говорящего. В этой связи справедливо наблюдение И. И. Дубининой, что нередко в публичном извинении происходит трансформация понятия вины: проступок выгодно переквалифицировать в ошибку в целях минимизации негативной оценки и сохранения репутации [8]. Действительно, признавать вину под прицелом общественного мнения психологически трудно, значительно проще согласиться с тем, что допустил ошибку (вспомним выражение Филиппа Киркорова, имеющего все шансы стать крылатым, «Зашел не в ту дверь»).

Согласимся с Н. Н. Кошкаровой, что одним из системообразующих pragматических факторов публичного извинения становится его принудительность и вынужденность [23]: высказывание может быть детерминировано не только стремлением соответствовать общественным ожиданиям, но и реальным директивам со стороны соответствующих инстанций. Так, депутат Госдумы от Пермского края Алексей Бурнашов разместил пост с извинениями за пьяный дебош и оскорбления сотрудников полиции после решения Комиссии Государственной думы по вопросам депутатской этики указать депутату на недопустимость подобного поведения и предложения принести публичные извинения (<https://echoperm.ru/news/261/165241/>). В последнем случае можно говорить об облигаторности публичного извинения в релевантных ситуациях. Следствием вынужденности и эмоциональной болезненности для говорящего становится его очевидная неискренность и демонстративность. Так, у Ксении Собчак по поводу «голой вечеринки» неискренность извинения проявляется в оценочной интерпретации события, что эксплицируется путем использования оценочных лексем: (2) «Отмена артистов, участников там, и разговоры об идеологической диверсии – это глупости. Делать из идиотских фото-

графий высказывания, превращать участников **фигни** в преступников – это пошлость на пошлости». (<https://www.rbc.ru/society/26/12/2023/658adbaa9a794706840777e9>). Сложно говорить об искреннем признании вины, когда говорящий номинирует поступок, за которое извиняется, «фигней». Но сложившаяся ситуация вынуждает ее извиниться: «Могу сказать за себя: я точно никого не хотела обидеть и оскорбить. Если кого-то оскорбил мой внешний вид, я за это извиняюсь». Любопытным представляется здесь номинация адресата обиженнего: *кого-то*.

Известно, что любое высказывание рассчитано на определенную модель адресата [24]. В случае трансформации публичного извинения образ адресата также претерпевает изменения. Извинения могут быть адресованы этнической, религиозной или социальной группе, посчитавшей действия дискредитирующими или оскорбительными; поклонникам или подписчикам, если слова или действия медийных персон были восприняты как обесценивание или предательство. Иными словами, в отличие от межсубъектного публичной версия извинения ориентирована на массового рассредоточенного адресата, на некий сегмент социума, представители которого отреагировали на действия субъекта извинения. В качестве иллюстрации приведем извинение блогера Сергея Косенко по поводу снятого им видео с брошенным в сугроб ребенком, вызвавшего общественную негативную реакцию: (3) «Приношу извинения всем тем, кто буквально воспринял это видео и кому оно эмоционально навредило – я не хотел принести вам вред» (<https://ria.ru/20240109/kosenko-1920363048.html>). Такой формат обращенности публичных извинений не случаен и объясним. В ситуации публичного извинения схема воплощения жанра усложняется по сравнению с инвариантом. Она становится трехактной: малефактивное действие – реакция общественности или властных структур – извинение. Подтвердим примером. PR-директор компании «Мегафон» Петр Лидов принес извинения за некорректное высказывание о людях, принимавших участие в массовых мероприятиях 12 июня 2017 г. в Москве: (4) «Приношу извинения. **Вижу реакцию, понимаю, что был не прав** в выборе слов, надо бытьдержаннее. Мегафон тут ни при чем. Спасибо за понимание» (<https://iz.ru/606332/2017-06-15/pr-direktor-megafon-izvinilsia-pered-abonentami-za-oskorblenie-v-twitter>). Таким образом, можно сделать вывод, что публичное извинение воплощается как реактивный речевой жанр, который **вынужденно** звучит как ответ на общественное осуждение и критику.

Специфика публичных извинений заключается не только в их запрограммированности на широкую аудиторию. Их вынужденность и принудительность (так, извинение блогера С. Косенко было опубликовано после поручения Председатель СК РФ Александра Бастрыкина возбудить уголовное дело) приводят к тому, что по сути они адресованы не тем, кто эксплицирован в высказывании (не тем, кому нанесен реальный ущерб и даже не абстрактной общественности). Их реальным адресатом становятся те, в чью юрисдикцию входит возможность повлиять на ход событий, от кого зависит смягчение последствий для говорящего. Именно по отношению к реальному адресату «обидчик» оказывается в позиции нижестоящего. Так, в извинении организатора «голой вечеринки» – Анастасии Ивлеевой: (5) «*Мне жаль, что это произошло, и что это невозможно было контролировать. Риск того, что кому-то придет в голову себя так вести, не был предусмотрен и заложен в планирование мероприятия. Я за это приношу извинения перед всеми: перед обществом и перед своими гостями, которые стали невольно участниками всего происходящего в СМИ*» (<https://newizv.ru/news/2023-12-24/anastasiya-ivleeva-publichno-izvinilas-za-goluyu-vecherinku-v-klube-mutabor-425523>) легко прочитывается, что адресовано оно не участникам скандалного мероприятия, пострадавшим после публикаций фотографий и видео на ряде интернет-ресурсов, и не возмущенным пользователям и общественности. Реальным адресатом этого публичного извинения становятся те, в чьи полномочия входит повлиять на будущее карьеры и бизнеса блогера. На это обращают внимание и комментаторы в социальных сетях: *Никакого "народа никакой "общественности"(не говорю уж об обществе в широком смысле слова) там нет. Не видно, и в реальности не существует, никакого массового возмущения, осуждения, порицания, противодействия – или еще чего-нибудь такого, – направленного на тех, кого обвиняют в ужасном кощунстве и оскорблении народного чувства <...>. Вся ярость исходит не от народа, а исключительно от начальства. <...>. Соответственно, и извиняются не перед "народом а перед "начальством" (С. Пархоменко)¹.*

Таким образом, специфичность публичных извинений заключается в их двойном адресате, когда номинальный (эксплицированный в высказывании) и реальный адресаты не совпадают. И хотя не всегда очевидно, что кому-то конкретному человеку действи-

тельно был нанесен ущерб и он поэтому действительно нуждается в извинениях, публичные извинения, действительно, «имеют серьезные последствия, так как они представляют акценты и передают кому-то право решать, какое значение имеют события, и как о них следует говорить, и кто будет говорить о них публично» [13: 184].

По Р. Ратмайр, перлокуция извинения в случае успеха состоит в предоставлении прощения [1: 63]. Иными словами, фактор будущего личностно ориентированного извинения заключается в стабилизации эмоционального состояния говорящего путем получения прощения. Представляется, что в публичных извинениях искренняя потребность говорящего получить прощение уходит на задний план, важен сам факт произнесения извинения в силу того, что оно носит стратегический характер. В случае с публичным извинением мотивы теряют личностную и морально-нравственную ориентированность, начинают превалировать социальная или правовая составляющие. Публичное извинение выступает как инструмент 1) восстановления испорченной репутации, утрата которой может привести к утрате доверия, отказу в сотрудничестве и, как следствие, материальным потерям (яркий пример – видеопокаяния участников нашумевшей «голой вечеринки», доходы которых на фоне скандала оказались под угрозой); 2) улучшения имиджа после скандала или инцидента (в интернете можно встретить пошаговые практические рекомендации о том, как публичное извинение превратить в удачный пиар-ход); 3) снижения наказание или минимизации последствия правонарушений: в некоторых случаях публичное извинение может использоваться как способ продемонстрировать добрую волю перед судебными или правовыми инстанциями (в качестве примера видео с извинениями из СИЗО певца Шарлотта, опубликованные его адвокатом <https://www.forbes.ru/forbeslife/516672-pevec-sarlot-zapisal-iz-sizo-video-s-izvineniami-patriarhu-kirillu>)

Полиинтенциональность, событийное содержание и pragматическая специфика дегерминируют языковую структуру публичного извинения. В повседневной речевой практике при условии незначительности проступка, осознаваемой обоими коммуникантами, извинение может быть сведено к перформативному глаголу. Уже отмечалось, что обязательным условием воплощения речевого жанра извинения является искреннее признание говорящим своей виновности. В ситуации публичного извинения говорящий также эксплицировано признает ошибочность своих действий, выражая

¹Сергей Пархоменко – внесен Минюстом России в реестр лиц, выполняющих функцию иностранного агента.

жает по этому поводу сожаление и произносит сакральную формулу извинения. Но в силу вынужденности публичного извинения, и как следствие, чаще всего неискренности коммуникативные задачи говорящего становятся сложнее: он стремится оправдать себя. Ранее было установлено, что сущностная идея оправдания как речевого жанра заключается в обосновании своей невиновности либо в минимизации степени ответственности за случившееся, что дало основание выделить два жанровых подвида:

- оправдание¹ – говорящий не признает вину и протестует против событийного факта или его толкования, тем самым утверждая свою невиновность;
- оправдание² – говорящий признает свою виновность, но приводит какие-либо доводы в свою защиту, тем самым минимизируя степень виновности [24].

В масс-медийном дискурсе извинение реализуется как комплексный (по М. Ю. Федосюку [17]) речевой жанр, включающий интенционально смежные высказывания с семантикой извинения и оправдания. Именно оправдание² становится компонентом публичного оправдания. В качестве подтверждения сказанному приведем опубликованное в телеграм-канале видеоизвинение депутата Госдумы Михаила Делягина за ложное сообщение о смерти военкора ВГТРК Евгения Поддубного: (6) «Я совершил непростительную вещь. Приношу глубочайшие извинения всем. Я глубоко раскаиваюсь и приношу глубочайшие извинения всем, кого я минувшей ночью ввел в состояние шока, ужаса, прежде всего, разумеется, военкору Евгению Поддубному и его родственникам. В представленном высказывании наблюдается эксплицированное признание вины (я совершил непростительную вещь), выражение сожаления (я глубоко раскаиваюсь) и перформативная конструкция, которая звучит дважды, интенсифицируя извинительное высказывание (приношу глубочайшие извинения).

Далее в речи парламентария разворачивается оправдание², в котором говорящий пытается обосновать рациональность своих действий указанием на компетентный, по его мнению, источник информации, эксплицирует свое желание совершить нечто положительное и перекладывает часть своей ответственности на невнимательных журналистов: *Вчера вечером мне позвонил человек, которому я доверял абсолютно, который воюет. Но бывает так, что вы пытаетесь помочь людям или сообщают вам информацию, что происходит на самом деле. Естественно, в большинстве случаев ее реализовать нельзя. Но вчера он позвонил и сказал, что*

это случилось. Я испугался, потому что я знаю достаточное количество историй про людей, которые считаются пропавшими без вести в схожих ситуациях. Соответственно, дальше нет ничего...не возникает ни компенсаций, ни пособий... ничего. Я сообщил эту информацию с указанием, что это сообщают. Я должен был понимать, что значительная, основная часть журналистов, она не читает слова, которые написаны. Она воспринимает общий смысл. Я принес горе большому количеству людей. Мне ужасно стыдно от этого. Но сейчас испытываю огромное чувство облегчения (может, по мне этого не видно), потому что Евгений Поддубный жив. Я действительно пол этой ночи провел в молитвах/ <...> Я понимаю, что по всем правилам нужно иметь не менее трех независимых источников информации, чтобы что-то сообщать. <...> В данном случае я виноват. Я постараюсь своей жизнью эту вину загладить, как и некоторые другие ошибки, которые в своей жизни совершил. Еще раз приношу извинение. Я очень рад, что военкор жив». (<https://lenta.ru/news/2024/08/08/deputat-gosdumy-izvinilsya-za-soobschenie-o-vozmozhnnoy-gibeli-poddubnogo/>).

В качестве интенсификатора извинения может прозвучать комиссивное высказывание – обещание компенсировать обиду (или предложение способа исправить ситуацию), как в примере (6), или обещание, что подобное больше не повторится (или обещание приложить усилия предотвратить подобную ошибку в будущем). По Р. Ратмайр, это стратегии, помогающие адресату принять извинение [1]: (7) «Искренние извинения патриарху всея Руси Московскому Кириллу и всем православным верующим за то, что посмел оскорбить их религию. **Больше такого никогда не повторится.** Я осознал, насколько ошибочно высказался на эту тему, и прошу искренне прощения», – говорится в видеообращении обвиняемого в оскорблении чувств верующих певца Шарлота (<https://www.forbes.ru/forbeslife/516672-pevec-sarlot-zapisaliz-sizo-video-s-izvineniami-patriarhu-kirillu>). Согласно Н. Ю. Фанян, «непосредственной функцией комиссивных речевых актов в виде клятв, обещаний, заверений, гарантий является их реализация в виде достаточных доводов. <...> Данные виды доводов могут быть релевантными или нерелевантными, могут быть истинными, но не найти реализации, могут быть ложными, но быть достаточными» [25: 101–102]. Таким образом, с точки зрения языкового воплощения публичные выступления функционируют как контаминированные высказывания, объединяющие два

интенциально близких жанра – извинение и оправдание, нередко интенсифицированные с помощью включения комиссивных высказываний. Отсутствие оправдательного высказывания способно сделать публичное извинение коммуникативно ущербным. Также следует обратить внимание на шаблонность (подробно см. [9]) и тщательную подготовленность формы извинения на публику. Разворачиваясь в медийном пространстве, извинение трансформируется в хорошо спланированный спектакль, возможно срежиссированный с помощью имиджмейкеров или адвокатов.

Заключение

С развитием социальных сетей и цифровых коммуникаций жизнь и речевое поведение каждого члена социума становятся более подотчетными общественности. Каждый шаг может быть зафиксирован и обсужден, что ведет к необходимости публичных извинений в случае ошибок или неуместного поведения. Публичные извинения могут рассматриваться как явление, отражающее общественные изменения и ожидания, и в контексте современного информационного общества они становятся трендом, важным инструментом в преодолении репутационного кризиса и во взаимодействии с общественностью. Влияние экстралингвистических факторов приводит к существенным изменениям жанрообразующих признаков, что позволяет говорить, что публичное извинение перестает быть вариантом жанра извинения и стремится вырваться за его рамки, стать отдельным жанром.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М. : Языки славянской культуры, 2003. 272 с.
2. Формановская Н. И. Употребление русского речевого этикета. М. : Русский язык, 1984. 198 с.
3. Тарасенко Т. В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1999. 19 с.
4. Ларина Т. В. Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации: на материале английской и русской коммуникативных культур : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 495 с.
5. Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ : монография. СПб. : Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.
6. Артамонова Е. В. Жанры русской речи: исповедь, просьба о прощении, принесение извинения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 19 с.
7. Шафаги М. Извинение в русском речевом поведении : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 20 с.
8. Дубинина И. И. Корректирующее коммуникативное поведение в контексте дискурсивной практики культуры отмены (на примере публичных извинений медийных персон) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, № 10. С. 3549–3555. <https://doi.org/10.30853/phil20240501>
9. Брагина Н. Г., Васютина Е. В. Речевой акт извинения в контексте современной сетевой публичности // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизучение. Культурология». 2024. № 8. С. 42–55. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2024-8-42-55>
10. Кошарова Н. Н. Публичное извинение: вчера, сегодня, завтра // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 214–221. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-214-221>
11. Кошарова Н. Н. Новые жанры в дискурсе СМИ: аксиологические и лингвопрагматические характеристики // Медиалингвистика. Вып. 10. Язык в координатах массмедиа : материалы VII Междунар. науч. конф.

- (Санкт-Петербург, 28 июня – 1 июля 2023 г.). СПб. : Медиапарип, 2023. С. 692–696.
12. Кошкарова Н. Н. Публичное извинение или публичное унижение: когнитивно-дискурсивные особенности жанра // Новейшая филология: современные парадигмы исследований : сборник тезисов участников Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти проф. Г. Г. Галич (21–23 марта 2024 г.). Омск : Изд-во ОмГУ, 2024. С. 106–108.
 13. Лакофф Р. Прагматика публичного извинения // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. С. 183–192.
 14. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
 15. Серль Дж. Классификация иллоктивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17. С. 170–195.
 16. Дементьев В. В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 34–44.
 17. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкоznания. 1997. № 5. С. 102–120.
 18. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 99–111.
 19. Чинова Л. Н. Просьба о прощении и принесение извинения // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 278–281.
 20. Авакимян С. С., Перельгут Н. М. К вопросу о прагматике извинения // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2010. № 3. С. 3–11.
 21. Богин Г. И. Речевой жанр как средство индивидуации // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 12–22.
 22. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М. : Русский язык, 2002. 160 с.
 23. Кошкарова Н. Н. Публичное извинение как жанр интернет-коммуникации // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 2. С. 62–67.
 24. Лаврентьева Е. В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 261 с.
 25. Фанян Н. Ю. Проблема достаточности аргумента // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц / отв. ред. Л. П. Рыжова. Тверь : Тверской гос. ун-т, 1993. С. 100–105.
- REFERENCES
1. Ratmayr R. *Pragmatika izvinieniya: Sravnitel'noye issledovaniye na materiale russkogo yazyka i russkoy kul'tury* [The Pragmatics of Apology: A Comparative Study Based on the Russian Language and Culture]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2003. 272 p. (in Russian).
 2. Formanovskaya N. I. *Upotrebleniye russkogo rechevogo etiketa* [Use of Russian speech etiquette]. Moscow, Russkii yazyk, 1984. 198 p. (in Russian).
 3. Tarasenko T. V. *Etiquette Genres of Russian Speech: Gratitude, Apology, Congratulations, Condolences*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Krasnoyarsk, 1999. 19 p. (in Russian).
 4. Larina T. V. *The Category of Politeness in the Aspect of Intercultural Communication: Based on the English and Russian Communicative Cultures*. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Moscow, 2003. 495 p. (in Russian).
 5. Trofimova N. A. *Ekspressivnye rechevyye akty v dialogicheskem diskurse. Semanticeskii, pragmaticeskii, grammaticheskii analiz: monografiya* [Expressive speech acts in dialogic discourse. Semantic, pragmatic, grammatical analysis: monography]. Saint Petersburg, Izd-vo VVM, 2008. 376 p. (in Russian).
 6. Artamonova Ye. V. *Genres of Russian Speech: Confession, Request for Forgiveness, Apology: Author's Abstract*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Kazan', 2008. 19 p. (in Russian).
 7. Shafagi M. *Apology in Russian Speech Behavior*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2011. 20 p. (in Russian).
 8. Dubinina I. I. Corrective communicative behavior in the context of the discursive practice of cancel culture (on the example of public apologies of media personalities). *Philology. Theory and Practice*, 2024, vol. 17, no. 10, pp. 3549–3555 (in Russian). <https://doi.org/10.30853/phil20240501>
 9. Bragina N. G., Vasyutina Ye. V. Speech act of apology in the context of modern online publicity. *RSUN/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*, 2024, no. 8, pp. 42–55 (in Russian). <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2024-8-42-55>
 10. Koshkarova N. N. Public apology: Yesterday, today, tomorrow. *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 214–221 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-214-221>
 11. Koshkarova N. N. New genres in media discourse: axiological and linguopragsitic characteristics. *Media Linguistics. Iss. 10. Language in massmedia coordinates: Materials of the VII Intern. sci. conf. (Saint Petersburg, June 28 – July 1, 2023)*. Saint Petersburg, Madiapapir, 2023, pp. 692–696 (in Russian).
 12. Koshkarova N. N. Public apology or public humiliation: cognitive-discursive features of the genre. In: *Modern Philology: Modern research paradigms: Coll. of abstracts of participants of the All-Russian sci. and pract. conf. dedicated to the memory of professor G. G. Galich (March 21–23, 2024)*. Omsk, Omsk State University Publ., 2024, pp. 106–108 (in Russian).
 13. Lakoff R. Pragmatics of public apology. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, ITs “Nauka”, 2007, iss. 5, pp. 183–192 (in Russian).
 14. Shmeleva T. V. Model of speech genre. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).
 15. Serl' Dzh. Classification of illocutionary acts. *Novoye v zarubezhnoi lingvistike*, 1986, iss. 17, pp. 170–195 (in Russian).
 16. Дементьев В. В. Phatic and informative communicative plans and communicative intentions: problems of communicative competence and typology of speech genres. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 34–44 (in Russian).
 17. Fedosuk M. Yu. Unresolved issues in the theory of speech genres. *Voprosy yazykoznanija*, 1997, no. 5, pp. 102–120 (in Russian).

18. Vezhbitska A. Speech genres. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 99–111 (in Russian).
19. Chinova L. N. Request for forgiveness and offering an apology. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1999, iss. 2, pp. 278–281 (in Russian).
20. Avakimyan S. S., Perel’gut N. M. On the pragmatics of apology. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 2010, no. 3, pp. 3–11 (in Russian).
21. Bogin G. I. Speech genre as a means of individuation. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 12–22 (in Russian).
22. Formanovskaâ N. I. *Russkij rečevoj étiket: normativnyj sociokul'turnyj kontekst* [Russian speech etiquette: Normative sociocultural context]. Moscow, Russkii yazyk, 2002. 160 p. (in Russian).
23. Koshkarova N. N. Public apology as a genre of Internet communication. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2018, no. 2, pp. 62–67 (in Russian).
24. Lavrent’yeva Ye. V. *Speech Genres of Accusation and Justification in Dialogical Unity*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Novosibirsk, 2006. 261 p.
25. Fanyan N. Yu. The problem of argument sufficiency. In: *Kommunikativno-funktional’nyy aspekt yazykovykh yedinit. Otv. red. L. P. Ryzhova* [Ryzhova L. P., ed. Communicative-functional aspect of linguistic units]. Tver’, Tver State University Publ., 1993, pp. 100–105 (in Russian).

Поступила в редакцию 11.03.2025; одобрена после рецензирования 16.04.2025;
принята к публикации 16.04.2025; опубликована 30.09.2025

The article was submitted 11.03.2025; approved after reviewing 16.04.2025;
accepted for publication 16.04.2025; published 30.09.2025